

Метаморфология сказки «Красная Шапочка»: миф, эпос, сказка. Разыскания в области исторической морфологии сказки – 3.3

Ключом к пониманию (герменевтике) сказки «Красная шапочка» может стать уникальность ее сюжета, или, выражаясь точнее, сюжетной линии¹. Волк устраивает для героини западню не на своей, а на чужой территории. Волк захватывает дом бабушки, устроив в нем западню для жертвы. Когда он съедает бабушку, он находится снаружи (модель «волк и семеро козлят»), а когда съедает внучку – он уже внутри дома. Соответственно, сначала он прикидывается внучкой, которая принесла угощение, а затем – бабушкой, которая принимает это угощение.

Можно подумать, что уникальность сказки «Красная шапочка» заключается в том, что здесь два «съедаемых» персонажа. Но, если сравнить сюжетную линию со сказкой «Покатигорошек», то в этом отношении данная персонажная схема не уникальна. В сказке «Покатигорошек» также значатся два «съедаемых» (похищаемых) персонажа. Сначала змей захватывает сестру, сбив ее с пути разбрасыванием путеводных стружек на дороге, ведущей к его логову, а затем братьев, отправившихся на ее поиски, но не выдержавших испытание едой. Здесь субмотифема *нарушения* реализуется мотивом похищения девочки (младший родственник), а субмотифема *отправки* (для мифа – *следствия*) реализуется мотивом пленения ее братьев (старший родственник).

Из этого становится видно, что необычность сказки «Красная Шапочка» заключается в перестановке местами «съедаемых». Было бы гораздо логичнее, с точки зрения целостности повествования, если бы волк, разузнав, где находится дом бабушки и пароль «*C'est votre fille le petit Chaperon rouge, qui vous apporte une galette et un petit pot de beurre que na mère vous envoie*» (ср.: «Ваша мать пришла, молока принесла, полны копытца водицы»), съел Красную Шапочку тут же на дороге, а затем пошел и без особых хлопот съел бабушку.

Понятно, что в этом случае рушится вся поэтика сказки, которая основывается на знаменитом диалоге с эффектной концовкой, – диалоге, на котором и держится все здание сказки в плане ее повествовательной привлекательности: «*Ma mère-grande que vous avez de grandes dents. – C'est pour te manger*». (Мы пока оставляем в стороне вопрос о том, как и из чего мог возникнуть этот диалог.)

¹ См.: Мотивемный анализ сказки «Красная Шапочка». Разыскания в области исторической морфологии сказки – 3.2 // *ethnomanuscripts.ru*. 19.04.2020.

Зачем же сказочнику было заставлять волка идти на такие хитрости, усложняя ему довольно простую задачу? И как ему удастся это сделать – заставить волка идти в обход?

Надо иметь виду еще следующее. В сказке «Красная Шапочка» Перро возникает серьезная проблема со структурой. Последовательность мотивем *нарушение, отправка, путешествие* вроде бы сохраняется. Не соблюдается закон одногеройности. Мотив нарушения состоит в том, что волк совершает подвох, предлагая девочке идти более длинной дорогой (не обязательный элемент), но – самое главное – выпытывая, куда она идет и где живет бабушка, а та пособничает, вступив в разговор и выдав местонахождение бабушки. Съедение волком бабушки составляет момент вредительства, как результат беспечности (наивности) девочки. Так в чем же проблема? Да в том, что протагонистом отправки становится волк: он ложится в постель бабушки в ожидании Красной шапочки. Это и есть отправка в сказке «Красная Шапочка», поскольку данный мотив спроецирован на пространство мотивемы *отправки*. Незаметно для слушателей и, возможно, самого рассказчика, совершается подмена персонажа (по аналогии с подменой понятия): *отправляется* волк, а *путешествует* к нему девочка, которая в дальнейшем следует неправильной модели поведения в игре в вопросы и ответы подобно дочери мачехи в русской сказке, гибнущей от Морозка.

[**Примечание.** *Персонаж* - это позиция, строка в сказке, которую он занимает. Можно сделать для себя вывод о том, что соблюдение мотивемной последовательности способствует сохранению целостности сказки, отвечая за свойство наследственности, тогда как персонажная схема управляет сказкой, отвечая за ее изменчивость. Это, если можно так выразиться, «движок» сказки.]

Но, тем не менее, Морозко все-таки находится на «своем» месте, а волк занимает «чужое». Нужный нам мотив, видимо, принимающийся за нечто само собой разумеющееся, все же артикулируется. В сказке Перро мы так и читаем:

En passant dans un bois elle rencontra compère le loup, qui eut bien envie de la manger; **mais il n'osa, à cause de quelques bûcherons qui étaient dans la forêt**².

В одной из народных сказок данного ряда девочка сначала пугается при виде волка, но затем успокаивается, слыша звуки топоров дровосеков³:

² На этот момент еще в 1878 г. обращал внимание Шарль Дёлин (см. Charles Deulin. Les Contes de Ma mère l'Oye avant Perrault. Paris, 1878, p.164). Он же был первым, кто предположил, что Перро «вычел» концовку со спасением, чтобы лучше подать свою мораль (см. там же).

³ Mélusine. Recueil de Mythology, Littérature populaires, Traditions & Usages publié par H.Gaidoz & E.Rolland, Tome III. Paris, 1886-1887, col.352-354

Un jour qu'elle cheminait avec l'époigne dans son panier, elle rencontra, à la bifurcation de deux sentiers, un loup qui lui dit:

- Oú vas-tu, petite?

Elle fut d'abord saisie à la vue du loup, **mais elle se rassura, car elle entendait les bûcherons qui travaillaient dans le bois** et elle répondit gentiment:

- Je vas porter l'époigne à ma grand'mère qui demeure dans la première maison du village là-bas.

Наконец, во второй редакции сказки братьев Гримм говорится:

Rothkäppchen aber hütete sich und gieng gerade fort seines Wegs und sagte der Großmutter daß es dem Wolf begegnet wäre, der ihm guten Tag gewünscht, aber so bös aus den Augen geguckt hätte: „**wenns nicht auf offner Straße gewesen wäre, er hätte mich gefressen.**“⁴

Таким образом, хитрость волка, выстраивающего целую схему для обмана девочки, носит вынужденный характер, поскольку девочка может позвать на помощь. Это она однажды и делает, после канонического диалога в сказке со счастливым концом. Как писал Поль Себийо: *Une autre version dit que la petite fille effrayée alla chercher du mond et qu'ils tuaient le loup*⁵.

Здесь мы сделаем круг, чтобы вернуться к балладе о Робин Гуде и сказке «Покатигорошек». В одной из предыдущих работ этот вопрос разбирался достаточно подробно, в таблицах⁶. Особенно близка сказке «Красная Шапочка» сюжетная линия английской баллады. Шериф сначала убивает товарищей Литтл Джона в их лесном лагере, а затем уже на захваченной территории берет в плен самого Литтл Джона, шедшего к своим лесным братьям после того, как его «послал» Робин Гуд. Однако наиболее древней, если исключить мотив неудачного поиска девочки братьями, является самая простая версия, представленная в сказке «Покатигорошек»: змей *похищает* девушку, герой убивает змея и освобождает ее из плена. Ср.: людоед *проглатывает* людей, герой убивает людоеда и высвобождает проглоченных.

Прояснив эволюцию сюжетной линии, можно заняться более конкретным вопросом о происхождении мотива «с'est pour te manger». Навскидку («ни на что не опираясь локтями») кое-что позволяет предположить, что мотив «вопросы Красной Шапочки» возникает как *вывернутый* (≠ перевернутый) мотив «вопросы Синей Бороды». Последний вопрос (ответ) оказывается роковым для протагониста. Посмотрим, как выглядит на таблице сказка «Синяя Борода» Шарля Перро, чтобы ею измерить его же сказку «Красная Шапочка».

4 Kinder und Hausmächen gesammelt durch die Brüder Grimm. Erster Band. Göttingen, 1857. S.143-144

⁵ Mélusine. Recueil de Mythology, Literature populaires, Traditions & Usages publié par H.Gaidoz & E.Rolland, Tome III. Paris, 1886-1887, col.397-398.

⁶ Робин Гуд и Красная шапочка. Мотивемный анализ // *ethnomanuscripts.ru*. 5.03.2020.

	Синяя борода	Красная шапочка
Начальная ситуация	Жил когда-то человек, у которого была синяя борода, вызывавшая отвращение у девушек. По соседству жила знатная дама с двумя прекрасными дочерьми. Синяя Борода просит выдать за него одну из дочерей. Обе отказываются из-за синей бороды.	Жила когда-то маленькая девочка по прозвищу Красная Шапочка
Отлучка	Он приглашает всю семью в загородный дом с подругами и соседями	Мать посылает ее отнести больной бабушке лепешку и горшочек масла
Нарушение	Развлечениями и пиршествами ему удается произвести благоприятное впечатление на младшую дочь, которой показалось, что борода у него не такая уж синяя.	По дороге она встречает волка. Волк выпытывает, куда и к кому она идет. Она не знает, что нельзя останавливаться и слушать волка. Волк предлагает идти разными дорогами. Сам он бежит короткой дорогой. Подделав голос, он представляется Красной Шапочкой. Бабушка учит его, как открыть дверь. Волк проникает в дом и пожирает бабушку.
Отправка	По возвращении в город играется свадьба.	Волк ложится в постель в ожидании девочки.
Путешествие	(Переезд в дом мужа)	Девочка идет к дому бабушки
Испытание	Синяя Борода уезжает в деревню ради важного дела. Он дает жене ключи от комнат, включая маленький ключ от комнаты, в которую он запрещает входить, а иначе она всего может ждать от его гнева. Молодую жену одолевает любопытство. Она отворяет дверь в потаенную комнату и видит тела нескольких мертвых женщин, висевших на стенах – жен, убитых Синей Бородой. Она от страха роняет ключ, запачкав его кровью, которая никак не сходила. Вернувшись, муж требует ключи. «Отчего нет ключа от маленькой комнатки?» – «Наверно, я оставила его наверху, у себя на столе». После разных отговорок (отсрочек) жена приносит ключ. «Отчего на ключе кровь?» – «Не знаю». Синяя Борода изобличает жену: «Не знаешь, зато я знаю! Он предрекает, что она займет место возле мертвых дам, которых она видела. Жена просит отсрочки на несколько минут, чтобы помолиться богу. Оставшись одна, несчастливая просит сестру по имени Анна подняться на башню и посмотреть, не едут ли братья, обещавшие навестить ее.	Постучав в дверь, девочка слышит толстый (grouse, gras) голос. Она пугается, но вспоминает, что бабушка простужена. Немного подсластив голос, волк учит девочку, как открыть дверь. Волк зовет девочку в постель. Она удивляется виду бабушки и задает вопросы про большие руки, ноги, уши, глаза. Волк дает успокаивающие ответы. Наконец, последний вопрос про большие зубы. Волк открывает карты: «Чтоб съест тебя». С этими словами волк бросается на Красную Шапочку и съедает ее.
Возвращение	Жена несколько раз спрашивает, не видит ли сестра братьев. Та отвечает отрицательно. Муж торопит жену несколько раз, но та просит «еще минуточку». Наконец, сестра видит двух всадников, но и терпение Синей Бороды заканчивается. Он кричит так громко, что трясется весь дом. Бедняжка спускается с башни ⁷ , муж готов отрезать ей голову. Но тут входят двое мужчин и бросаются со шпагами на Синюю Бороду. Это братья жены, драгун и мушкетер, он пускается бежать, но они пронзают его шпагами.	
Узнавание	(Прибытие в дом матери) Оказывается, у мужа нет наследников, богатства достаются его жене.	
Конечная ситуация	Она выдает замуж сестру, покупает братьям капитанский чин и сама выходит замуж за хорошего человека.	

⁷ В издании 1986 г. «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями» допущена существенная погрешность, с точки зрения строения сказки. В переводе говорится «бедняжка спустилась с башни» между тем, как у Перро значит: «La pauvre femme descendit»: «бедная женщина спустилась (из своих покоев наверху. – ПБ)». Таким образом, при предлагаемом переводе на русский мотив переклички с сестрой на башне логически выпадает из контекста.

Мотив диалога в сказке «Синяя Борода» проецируется на ту же часть мотивного пространства, что и мотив диалога в сказке «Красная шапочка» (для хода действия несущественно, кто кому задает вопросы, палач жертве или жертва палачу). Однако в первом случае жертва парирует удар с помощью правдоподобного предлога. Тем самым повествование приводится к виду *первобытной сказки*: первая мотивема (*нарушение*), вторая мотивема (*борьба*) и третья мотивема (*узнавание*). Последняя лишь слегка обозначена сообщением, что после смерти Синей бороды «оказывается», что у него нет наследников и единственной наследницей становится неутешная вдова.

Какой счастливый конец, не правда ли? Очень похоже на концовку сказки «Кот в сапогах». Героиня завладевает именьями убитого мужа именно в соответствии с придворными вкусами. В народных вариантах для «бедной женщины» (*pauvre femme*) все складывается не так благополучно. Родители прибывают вовремя (*неузнанное прибытие*), чтобы помешать Синей Бороде отрубить дочери голову, но тот требует вернуть перстень, бриллианты и роскошные платья:

Et la jeune femme est obligée de se dépouiller presque entièrement pour se débarrasser de son mari⁸.

Героиня возвращается к родителям, как говорится, голой. Синяя Борода все-таки «съедает» героиню. Очень грустная сказка для взрослых!

Итак, по «гамбургскому счету» сказка «Красная Шапочка» в ее каноническом виде обрывается как бы на полуслове. Но нет *борьбы*, нет и *победы*. По понятной причине в этой сказке нет даже субмотивемы *возвращения*. Некому возвращаться: “Et en disant ces mots, le méchant loup se jeta sur le Petit Chaperon rouge, et **la mangea**”. Народные французские сказки этого типа заканчиваются похожими фразами: “Et, en même temps, le loup se jeta sur la pauvre petite fille et **la dévora**” или “Et en disant à la, il **l’avala**”⁹. Имеется только одно исключение, возможно, случайного характера: “Le loup mangea la petite et **s’en alla content**”¹⁰.

В указанном случае удаляется («возвращается») волк, задним числом выставляя себя протагонистом сказки. Но классическая (волшебная) сказка является таковой, если на всем ее протяжении *протагонист* непрерывно сохраняет свой статус, не меняясь местами с *антагонистом* или *агонистом*, а

⁸ Barbe-bleue. Version des environs de Redou (Ille-et-Vilaine) // Mélusine. Recueil de Mythology, Literature populaires, Traditions & Usages publié par H.Gaidoz & E.Rolland, Tome III. Paris, 1886-1887, col.330-331.

⁹ Le petit Chaperon Rouge (Version de la Nievre) // pauvre femme 352-354; Le petit Chaperon Rouge (Version de la Haute-Bretagne) // Mélusine. Recueil de Mythology, Literature populaires, Traditions & Usages publié par H.Gaidoz & E.Rolland, Tome III. Paris, 1886-1887, col.397-398.

¹⁰ La piteta et le loup (Conte en patois d’Usson) // Dictionnaire du patois forézien par L.-Pierre Gras. Lyon, 1863, p.205-209.

проще говоря, если он выступает в роли протагониста не только на фоне всей сказки, но и отдельно внутри каждого деления – большой, средней и малой мотивемы. В этом состоит закон одногеройности. Если исключить ошибки в исполнении, отклонения от него объясняются древностью сюжета, переделываемого под реалии собственно волшебной сказки. Для мифа, эпоса и первобытной (неполной) сказки этот закон тоже имеет силу. Но при их переделке в волшебную (полную) сказку процесс сложения без искажений персонажной схемы практически неосуществим, так как возникает проблема Тришкина кафтана. «Швы» заделываются «штукатуркой» (поэтикой).

Сказка «Красная Шапочка» Шарля Перро приобретает свойство целостности, или лингвистической законченности, тогда и только тогда, когда мы полностью, от начала до конца, «подождем» ее, спроецировав на пространство первой мотивемы, т.е. ограничив структурой мифа¹¹ так что: весь текст оказывается выше жирной линии (см. таблицу выше).

Примечательно, что дети хорошо чувствуют нарушение сказочной обрядности. Для них сказка «Красная Шапочка» – это «очень грустная сказка»¹², т.е. и не сказка вовсе, а миф. Миф же есть сказка для взрослых, *неоконченная сказка*. В фильме «Мужчина и женщина» мать рассказывает маленькой дочери сказку «Красная Шапочка» и спрашивает, понравилась ли ей сказка. Девочка говорит: «Нет. Это очень грустная сказка». Она хочет послушать «Синюю Бороду», хотя эта сказка с ее «детективными» подробностями вроде бы должна казаться ребенку очень страшной. Ребенок предпочитает сказку «Синяя Борода» в силу ее законченности, а не отсутствия благополучного исхода.

Прецедентный случай с описанием реакции ребенка на сказку «Красная Шапочка» как неоконченную мы встречаем в конце XIX в.¹³ В противоположность взрослому маленький Поль считает, что сказка не может закончиться съедением девочки волком, нужно хотя бы объяснить, кто съел пирог (galette), что принесла бабушке Красная шапочка:

On racontait au petit Paul l'histoire du petit Chaperon-Rouge.

Avant d'entrer dans le coeur du drame, on lui avait fait une description des plus alléchantes de la fameuse galette que le petit Chaperon-Rouge porte à sa grand'mère bien beurrée, feuilletée, bien dorée, enfin, la reine des gallettes.

Quand on lui ont narré comme quoi le loup avait avalé le petit Chaperon-Rouge après avoir englouti la grand'mère, l'enfant semblait redoubler d'attention.
- **C'est fini**, lui dit la maman.

¹¹ Мотивемный анализ сказки «Красная Шапочка». Разыскания в области исторической морфологии сказки – 3.2 // *ethnomanuscripts.ru*. 19.04.2020.

¹² В фильме «Мужчина и женщина» девочка именно так реагирует на рассказ матери и здесь, по-видимому, нет никакого авторского символизма («постмодернизма») со стороны сценариста или режиссера, как может показаться на первый взгляд. Скорее всего, это зарисовка с натуры (см. Дети лейтенанта Проппа. Часть II. Шедевры кунстнауки // *ethnomanuscripts.ru*, с.8. 15.01.2020.

¹³ La petit Chaperon Rouge. Tourangelle // Mélusine. Recueil de Mythology, Literature populaires, Traditions & Usages publié par H.Gaidoz & E.Rolland, Tome IX. Paris, 1898-1899, col.264.

- **Comme c'est fini?**
- Sans doute.
- **Et la galette?** qui est-ce qui a mangé la galette qu'elle appartient au cycle du Petit Chaperon rouge.

Другой удобный способ сообщить сказке «Красная Шапочка» (говоря точнее, сказке «Девочка и волк») свойство целостности – это наложить ее также целиком на сказку «Синяя Борода» (или наоборот), которая по русскому счету относится к семейству сказок, так удачно выделенному в собрании А.Н.Афанасьевым: «Баба-яга и заморышек» (Аф. 105), «Баба-яга и жихарь» (Аф.106-107) / «Ивашко и ведьма» (Аф.108-111) / «Терешечка» (Аф.112) / «Гуси-лебеди» (Аф.113). Список можно продолжить за счет женских сказок.

Это именно тот тип неполных (первобытных) сказок, где срединный элемент (*борьба*)¹⁴ сводится к созданию протагонистом условий для побега, придумыванию некоторого благовидного предлога («спасательной гипотезы»). Под этим предлогом он оттягивает свою гибель, подготавливая побег и / или гибель антагониста.

Все французские сказки, которые известны по этнографическим записям на сюжет «Девочка и волк» относятся именно к указанному типу. Мы оставляем в стороне сказку “La Véritable Histoire du Petit Chaperon d’or” ввиду того, что, несмотря на принадлежность к устной культуре, своим происхождением она обязана представителю образованной части общества¹⁵.

В одних сказках такого рода девочка просит разрешения выйти, дав привязать себя за ногу нитью, а затем убегает, оборвав нить, или привязав нить к дереву, или взобравшись на дерево; в других сказках девочка показывает волку, как лучше ее убить¹⁶. Все это вполне узнаваемые мотивы, если обратиться к перечисленным выше русским сказкам из сборника А.Н.Афанасьева.

Как и прежде, для точности и наглядности сравнений приведем интересные нас сказки к сопоставимому виду с помощью метода мотивемных таблиц-матриц (оригиналы текстов см. в **Приложении**¹⁷).

¹⁴ См. Морфология богатырской сказки. I, II, III, IV, V, VI // *ethnomanuscripts.ru*. 29.11.2019, 11.12.2019, 14.12.2019, 22.12.2019, 24.12.2019, 03.01.2020.

¹⁵ Affenschanz Et Cetera. Variants orales de Contes populaires français et étrangers recueillies par Charles Marelle. Braunschweig, 1888, p.39-43.

¹⁶ Le petit Chaperon Rouge (Conté par François Briffault à Montigny-aux-Amoques (Nièvre). (Enregistré par) Achille Millieu Mélusine. Recueil de Mythology, Literature populaires, Traditions & Usages publié par H.Gaidoz & E.Rolland, Tome III. Paris, 1886-1887, col.428-429; La fillette et le loup (Recueillie par Jean Marlin. Raconté à Liège par Étienne Demazy. Wallonia. Recueil de Littérature orale, Croyances & Usages traditionnels Fondé par O.Olson, Jos.Defrecheux & G.William. I. Liège, 1893, p.49-50; La petit Chaperon Rouge. Tourangelle // Mélusine. Recueil de Mythology, Literature populaires, Traditions & Usages publié par H.Gaidoz & E.Rolland, Tome IX. Paris, 1898-1899, col. 90-91.

¹⁷ Приложение. Разыскания в области исторической морфологии сказки – 3.4 // *ethnomanuscripts.ru* (в работе)

		Mel. III, 428-429
	Начальная ситуация	Маленькая девочка
А	Отлучка	Маленькая девочка несет своей бабушке еще горячий хлеб и бутылку молока.
	Нарушение	По дороге она встречает <i>безу</i> (оборотня), который выгнав, где живет бабушка и по какой из двух дорог, с иголками или шпильками, она пойдет, спешит другой дорогой, чтобы добраться до бабушки, и, пока девочка увлеченно собирает иголок, набрасывается на бабушку и убивает, разлив её кровь по бутылкам, а мясо поместив в горшок у огня.
	Отправка	Сам же он ложится в постель.
В	Путешествие	Девочка приходит в дом.
	Испытание Une fuite de la captivité Девочка, совершив обманное движение (финт), совершает побег из логова похитителя	Оборотень предлагает ей поесть мяса и выпить вина. Девочка принимается за еду, но кошка у очага, ругает её за то, что она ест мясо и пьет кровь своей бабушки. Девочка раздевается и ложится в постель рядом с оборотнем. Её пугают его большие глаза и зубы. Чтобы спастись она притворяется больной и говорит, что ей нужно выйти. Оборотень привязывает к её ноге льняную нить, но она, выбравшись наружу, привязывает нить к стволу сливы и убегает со всех ног.
	Возвращение Vol à travers	Обнаружив, что его одурачили, оборотень бросается в погоню. На развилке дорог он видит, что девочка уже у дома матери, он мчится как сумасшедший с раскрытой пастью, он уже почти настигает её, когда она кладет руку на щеколду и кричит: маман! И волк-оборотень возвращается восвояси ни с чем.
С	Узнавание	(Она входит в дом, мать радуется)
	Конечная ситуация	(Стали они жить-поживать...)

		Mel. IX, 90-91
	Начальная ситуация	Маленькая Жаннетта и её больная бабушка
А	Отлучка	Девочка отправляется навестить бабушку.
		Дойдя до развилки, она не знает, какой дорогой идти.
	Нарушение	Уродливый человек со свиньей советует ей идти по дороге налево
	Отправка	Сам он идет направо, по легкой дороге, приходит первым и убивает бабушку. Сосуд с кровью он помещает в ларе, а сам ложится в кровать.
В	Путешествие	Девочка приходит к дому бабушки.
	Испытание (побег)	Злодей предлагает ей утолить голод, сказав, что она может пожарить себе крови. Пока девочка жарит кровь, откуда-то сверху, из каминной трубы, слышатся ангельские голоса, которые говорят, что она жарит кровь своей бабушки. Злодей, притворяющийся бабушкой, уверяет, что это щебечут птицы. На второй раз девочка говорит, что не голодна и не будет есть. Злодей предлагает лечь рядом с ним. Далее идут вопросы и ответы: большие руки, ноги, глаза, зубы. На девочку нападает страх, она просится выйти по надобности, а, чтобы злодей был спокоен, что она не убежит, предлагает привязать её льняной нитью за ногу. Выбравшись из дома, она обрывает нить и убегает. Голоса сверху отвечают за нее так, как будто она на месте.
	Возвращение (чудесное бегство)	Наконец, злодей узнает, что на другом конце нити никого нет и, сев верхом на свинью, бросается в погоню. Они добираются до реки, спрашивают прачек, не было ли здесь девочки с собачкой. Те отвечают, что натянули простыню, по которой девочка перешла через реку. Монстр просит натянуть простыню для него, но он вместе со свиньей погружается в воду. Он кричит свинье выпить всю воду, но та не смогла, и они тонут в реке.
С	Узнавание	Девочка оказывается спасена.
	Конечная ситуация	(Стали они жить-поживать...)

		Wallonia, I, 1893, p.49-50
	Начальная ситуация	(Жила-была маленькая девочка)
А	Отлучка	Маленькая девочка идет к бабушке, которая живет в лесу.
	Подвох, пособничество, вредительство	Волк видит, как (куда) она идет, обгоняет её и первым приходит к дому. Под предлогом, что ему нужны спички, входит в дом и съедает бабушку.
	Отправка	Девочка приходит, волк хватает её, сажает в мешок и несет в глубину леса, чтобы съесть.
В	Путешествие	По пути волк останавливается, чтобы напиться воды, девочка с помощью водоноса, дровосека убегает. На третий раз волк не останавливается и приносит в глубину леса.
	Испытание. Убийство похитителя его же оружием.	Волк спрашивает девочку, как её лучше убить. Та просит топор, чтобы показать, как это надо делать и отрубает волку голову.
	Возвращение	(Девочка возвращается домой)
С	Узнавание	(Девочка приходит домой и рассказывает близким, как она расправилась с волком)
	Конечная ситуация	(Стали они жить-поживать)

При одном взгляде на эти таблицы становится видна общая для них структура первобытной сказки. Только в одном из трех представленных случаев присутствует мотив диалога, причем завершается он не совсем обычно: Вместо “C’est pour **te manger**” злодей произносит фразу “C’est pour **mieux manger, ma fille, c’est pour mieux manger**”¹⁸. Тем самым не ставится точка, оставляется пространство для поиска путей спасения. Девочка пугается и начинает продумывать «пути отхода». Заметим, что в этих сказках нет самого имени Красная Шапочка.

Следовательно, ключевая особенность сказки Перро и других сказок с несчастливым концом заключается в том, что девочка не пугается, или не успевает испугаться. Мотив «волк (или эквивалентный ему персонаж) угощает внушку мясом и кровью ее бабушки (“причащение”))» имеет значение последнего предупреждения голосом волка, птицы, петуха, кошки, ангела и т.п. Несмотря на красочность, этот мотив представляет собой всего лишь развернутый (топологически эквивалентный) вариант мотива «девочка пугается толстого голоса волка». Это можно увидеть по тому что эти мотивы занимают одинаковую позицию между мотивами «девочка входит в дом» и «девочка ложится в постель». Появился этот мотив в сказках про «Красных Шапочек» в результате навешивания в качестве квантора, логического оператора. Возможно, он появился из сказки «Красные башмачки», которая своими мотивами находится в родстве со сказками типа «Косоручка» или «Буренушка» (Афанасьев) или «Поющая кость» (Гримм).

¹⁸ La petit Chaperon Rouge. Tourangelle // Mélusine. Recueil de Mythology, Literature populaires, Traditions & Usages publié par H.Gaidoz & E.Rolland, Tome IX. Paris, 1898-1899, col. 90-91.

Дабы избежать голословного подхода, хотя бы вкратце познакомимся с этой сказкой, сопоставив ее по строкам с одной из сказок «Красная Шапочка»¹⁹:

		Les petits souliers rouges (1881, P.223-225)	Le petit Chaperon Rouge (Melusine, III, col.237-238)
	Начальная ситуация	Женщина (ее муж) и ее дети, мальчик и девочка. У нее есть пара красных башмачков.	(Начало пропущено).
А	Отлучка	Мать посылает детей в лес за хворостом: кто вернется первым, получит желанные башмачки.	Девочка идет к бабушке с гостинцами.
	Нарушение	Придя в лес, мальчик привязывает сестру за ногу к дереву, а сам принимается собирать хворост. Закончив дело, он отвязывает сестру и приходит домой первым . Мальчик требует в награду башмачки. Мать говорит, что башмачки в ларе. Мальчик наклоняется, мать опускает крышку ларя, перерубив сыну шею.	В лесу она встречает волка, который предпринимает обманные действия к тому, чтобы добраться до бабушки первым. Волк проникает в дом и убивает бабушку.
	Отправка	Тело мать кладет в горшок с капустой, чтобы сварить суп. Вернувшаяся девочка, спрашивает, где ее брат, мать посылает дочь в сад, но она не находит брата. Затем мать велит ей раздувать огонь, чтобы вскипятить суп. Выполняя приказание матери, девочка слышит, голос птицы на дереве: «Ты варишь своего маленького брата»²⁰ . Девочка спрашивает мать, что это значит, но та велит прогнать птицу палкой. Мать посылает ее отнести суп из брата отцу в лес.	Кровь волк наливает в супник, а мясо кладет на блюдо. Пришедшая девочка говорит, что голодна. Волк предлагает ей мясо и вино на столе. Пока девочка ест, таинственный голос говорит ей от первого лица: ты ешь мои груди, ты пьешь мою кровь . Девочка восклицает: «Бабушка, что я слышу!» (далее лагуна в повествовании). Волк заманивает девочку в постель и – после диалога – съедает её .
В	Путешествие	По дороге она встречает Святую Деву, которая наставляет ее подобрать все кости, которые отец будет разбрасывать вокруг себя во время еды, даже если кости попадут в реку и принести ей.	
	Испытание	(Отец съедает суп, сваренный из сына, разбрасывает кости). Девочка в точности исполняет наказ, собрав кости. Путешествие, испытание, возвращение	
	Возвращение	(Девочка возвращается к Святой Деве)	
С	Узнавание	Святая Дева собирает кости и оживляет маленького брата.	

¹⁹ Les petits Souliers rouge // Littérature orale de la Haute-Bretagne par Paul Sébillot. Paris, 1881, p. 223-225

²⁰ С этой сказкой, наскоро переделанной в религиозную легенду, не все в порядке. В начале сказки брат ведет себя как старший.

Из таблицы видно, как мотив людоедства по незнанию «переезжает» словно по рельсам слева направо. Ориентиры – границы мотивемы *отправки*.

(Вопрос о происхождении сказки «Красные башмачки» стоит отдельно, поскольку она вся укладывается в двухмотивемную структуру подобную той, что характерна для *внутренних ходов* сказок²¹, где братья сбрасывают героя в пропасть или убивают его, расчленив на мелкие кусочки. В сказке «Об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» (Аф.168), где на месте святой девы оказывается серый волк, тот под угрозой смерти детеныша заставляет ворона принести пузырьки с мертвой и живой водой.)

Впрочем, появление людоедского мотива вполне можно ожидать и с совершенно другой стороны. Выше мы перечислили ряд русских сказок. Некоторые (т.е. «один или несколько») варианты из этих сказок содержат мотив «баба-яга съедает свою дочь благодаря хитрости героя, приговоренного к съедению» (ср. в австралийской традиции «бабушки» съедают «внуков» или, на худой конец, объедают их, отнимая охотничью добычу).

Мотив диалога со столь эффектным завершением, безусловно, как самый яркий, запоминающийся, если угодно, определяющий, мотив, является обязательным только для сказок с сюжетными линиями, обрывающимися на гибели девочки, но этот факт мало говорит о происхождении самого мотива.

Разгадку диалога девочки и волка ученые ищут уже довольно давно. В упомянутой выше книге Шарля Дёлина, которая так и называется «Сказки матушки Гусыни до Перро» (1878), с этой целью приводится краткий пересказ одного сюжета из «Немецкой мифологии» Т.Колсхорна²².

Тозер, принц зимних великанов, похищает молот Донара, бога грома, и прячет под землей на восемь лиг в глубину, обещая отдать только тогда, когда его женой станет богиня Фрове, германская Венера. Донар одевается в платье новобрачной и в сопровождении Локи под видом слуги, отправляется в страну великанов. На праздничном пиру, невеста съедает целого быка, восемь лососей, все лакомства, приготовленные для женщин и выпивает восемь бочек медового напитка. Жених говорит: «Я никогда никогда не видел, чтобы невеста столь много съела и выпила». – «Это потому, – отвечает Локи, – что она голодала восемь дней, так велико было ее желание тебя увидеть!» после этих слов Тозер, пожелавший обнять свою невесту, поднимает вуаль, но при виде ее глаз в испуге отбегает в конец залы и кричит: «Как ужасны глаза Фрове!» – «Это потому, что она не спала восемь ночей, так велико было ее желание увидеть тебя!» Тогда Тозер приказывает принести молот, чтобы по обычаю положить его на колени невесты. Донар хватается за молот и валит принца великанов²³.

²¹ В данном случае речь идет о ходах в рамках субмотивемы *возвращения*. См. Как сложить сказку. Перечитывая «Морфологию сказки» В.Я.Проппа // *ethnomanuscripts.ru*, с.126. 30.07.2019.

²² Colshorn Th. Deutsche Mythologie fürs deutsche Volk. Vorhalle zum wissenschaftlichen Studium derselben. Hannover, 1853. S.141

²³ Deulin Charles. Les Contes de Ma Mère l'Oye avant Perrault. Paris, 1878, p.159-160.

Замечание Дёлина вполне справедливо: «Разве нельзя здесь говорить о первом зародыше диалога между волком и Красной Шапочкой?» Но не менее справедливо проведение параллели, скажем, с диалогом между змеем и Показитогорошком в русской сказке, сходство сюжетной линии которой с сюжетной линией сказки «Красная Шапочка», причем со счастливым концом, ранее нами уже отмечалось. Ведь в только что приведенном тексте Тозер «проглатывает» (прячет под землей) молот Донара (Тора), но затем гибнет от его руки и молот вновь оказывается на свободе (в руках своего владельца).

Пожалуй, самое близкое по форме исполнение – для нас не самым неожиданным образом – мы находим среди русских сказок в сборнике А.М.Смирнова (См. 294):

[Василиса Прекрасная]

Жил-был старик да старуха; у них было детей одна дочь. Однажды вечером старуха нечаянно погасила огонь, тогда дочь ее пошла за огнем в соседнюю деревню. Идучи дорогою, встретила она с мужиком, ехавшим на красной лошади в красном платье. Этот спросил ее: «куда она пошла?» Она сказала: «по огонь», а мужик и сказал ей: «не ходи, хам съест тебя». Девушка сказала: «нет, не съест». Отошедши, попался ей другой мужик, на белой лошади, в белом платье; опять этот мужик спросил девушку, куда она пошла. Она сказала ему: «по огонь!» – «Нет не ходи, хам²⁴ съест тебя», сказал мужик. Она говорит: «нет, не съест». Пошла она от него, и попался ей на встречу третий мужик на бурой лошади и в буром платье; и этот мужик спросил девушку, куда она пошла. Она сказала: «по огонь». – «Не ходи, хам съест тебя», сказал мужик. «Нет, не съест», сказала девушка и пошла вперед. Дошла до корыта с водою, потом пошла дальше, увидела руки и ноги человечьи; зашла в избу, видит человечьи головы. Тут жил хам; хам спрашивает девушку: что она видела дорогой? Она сказала: «мужика на красной лошади, в красном платье». Хам сказал ей: «это мое солнышко. Еще что?» – «Видела другого мужика, на белой лошади и в белом платье». Хам сказал ей: «это мой месяц. Еще что?» Девушка сказала: «еще третьего мужика на бурой лошади и в буром платье». – «Это мой сын», сказал хам. Что еще видела? – Видела на улице лежат руки да ноги человечьи!» – «Это мои вилы да грабли», сказал хам. Еще что видела, девушка? – «Видела человечьи головы». – «Это мои кринки». Потом хам, хам, хам²⁵ и съел девушку²⁶.

И вновь мы сверяем возможное первое впечатление с фактами с помощью мотивемной таблицы:

²⁴ Довольно оригинальная трактовка библейского имени.

²⁵ Одно из значений слова «хамать» – «есть, жрать, пить».

²⁶ [Василиса Прекрасная] Пермский, Оханский и Соликамский у. (рукопись (18)50-х годов) // Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Выпуск II. Издал А.М.Смирнов. Петроград, 1917, с.755

		[Василиса Прекрасная] (См. 294)	Le petit Chaperon Rouge (Melusine, III, col.237-238)
	Начальная ситуация	Старик, старуха и их дочь. Старуха нечаянно гасит огонь.	(Начало пропущено).
А	Отлучка	Старуха посылает дочь за огнем в соседнюю деревню.	Девочка идет к бабушке с гостинцами.
	Нарушение	Девушка идет дорогой, встречает мужиков на красной, белой и бурой лошади. Они говорят ей не ходить – хам съест ее. Она отвечает: «Нет, не съест»	В лесу она встречает волка, который идет на обман, чтобы добраться до бабушки первым. Он входит в дом и убивает бабушку.
	Отправка	Она доходит до корыта с водой. Она идет дальше, видит руки и ноги человечьи. Входит в дом хама и видит головы человечьи. Хам спрашивает, что она видела дорогой. Она рассказывает, а хам объясняет, что она видела. Всадники – солнце, месяц, сын хама. Руки и ноги – вилы да грабли, головы – кринки. Потом он хам, хам, хам... и съедает девушку.	Кровь волк наливает в супник, а мясо кладет на блюдо. Пришедшая девочка говорит, что голодна. Волк предлагает ей мясо и вино на столе. Пока девочка ест, таинственный голос говорит ей от первого лица: ты ешь мои груди, ты пьешь мою кровь. Девочка восклицает: «Бабушка, что я слышу!» (далее лагуна в повествовании). Волк заманивает девочку в постель и – после диалога по поводу частей и членов тела – съедает её.

При декорреляции мотивов все вроде бы сходится. Не говоря уже о сказке «Колобок», сказка Смирнова поражает сходством своих мотивов не только со сказкой «Красная Шапочка», но и со сказкой «Синяя Борода». Девушка видит части мертвых тел людей и признает это, что приводит ее к гибели. Кроме того, вариант этой сказки с благополучным концом мы находим в сборнике А.Н.Афанасьева, в сказке «Василиса Прекрасная» (Аф. 104), где эта, несомненно, кумулятивная сказка (посылка дочери за огнем не является формой *вредительства*) целиком проецируется на пространство второй большой мотивемы первого хода и имеет значение перевернутого мотива *чудесного побега*: баба-яга, узнав, что героиня – *благословенная дочка*, вместо того, чтобы съесть, прогоняет её прочь.

И, все-таки, дерзкие ответы девушки трем всадникам слабо согласуются со сказочным понятием *нарушения*. По мотивам все сходится, по структуре нет: одна и та же топология, но разная топография (коннотативное значение). Поэтому таблица выше нами была перечеркнута как не изоморфная реальности.

В сказке «Гуси-лебеди» (Аф. 113) кумуляция «печка, яблоня, речка» является содержанием мотивемы *путешествия*, что ближе понятию *отлучки*. В этой связи кумуляцию в сказке «[Василиса Прекрасная]» удобнее (sic!) рассматривать как элемент отлучки.

См. таблицу ниже. Мотивы сказки «Гуси-лебеди» (Аф.113) топологически эквивалентные мотивам сказки [Василиса Прекрасная] (См. 294) спроецированы на *отправку, путешествие и борьбу (испытание и пр.)*²⁷. Так мотивы *отлучки* в первых двух случаях становятся *отправкой* и *путешествием* в третьем.

[**Примечание.** Все эти субмотифемы, включая субмотифему *возвращения*, есть субмотифемы движения, по определению являющиеся наиболее эластичными элементами сказки. Это совпадает с оценками Проппа, отмечавшего в качестве одной из главных особенностей сказки и в целом всех видов фольклора «чрезвычайную динамику действия»: «Рассказчик или певец и слушатель интересуются только действием и больше ничем»²⁸. И далее: «Эта исключительная динамичность действия приводит к тому, что в повествовании фигурируют только те лица, которые будут играть свою роль в развитии действия»²⁹. Последнее можно считать формулировкой закона единства композиции (мотифемного строения) и персонажной схемы сказки.]

²⁷ Остановимся на некоторое время от нашего исследования, чтобы разобраться со сказкой «Василиса Прекрасная» из собрания А.М.Смирнова (такие вопросы нельзя оставлять за спиной). Несомненно, он назвал, найденную им сказку «Василиса Прекрасная», по сказке из афанасьевского сборника (Аф.104).

[Василиса Прекрасная] (См. 294)	Василиса Прекрасная (Аф.104)
Нечаянная потеря огня матерью.	Намеренная посылка падчерицы мачехой за огнем к бабе-яге.
Девочка отправляется в путь.	Девушка отправляется в путь.
Встречает мужика на красном, белом и буром коне. Те говорят: «Хам съест тебя.» – «Нет, не съест»	Встречает белого всадника на белом коне, красного всадника на красном коне.
Наконец, девочка приходит к дому хама и видит человечьи руки, ноги и головы. Последнее предупреждение.	Наконец, девушка приходит к избушке бабы-яги. Забор из человечьих костей, на заборе черепа с глазами, вместо верей – ноги, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Опять едет всадник – черный на черном коне. В избушке с помощью чудесной куклы она выполняет заданные уроки. Каждый раз являются три пары рук и забирают сделанное.
Хам выпытывает, что она видела, и дает образные объяснения увиденному ею. Три мужика, руки, ноги, головы.	Василиса выспрашивает бабу-ягу. Та дает образные объяснения. Три всадника – слуги бабы-яги: день белый, солнце красное, ночь темная. О трех парах рук она не спрашивает. Баба-яга не съедает ее за то, что она спрашивает только о том, что видела за двором, а не во дворе. Затем, узнав, что у Василисы есть благоговение матери, баба-яга прогоняет её, дав ей огонь: череп с горящими глазами.
Хам съедает девочку.	Василиса идет домой.

Проясним соотношение двух текстов путем обнажения таблицы мотифем:

[Василиса Прекрасная] (См.294)	Василиса Прекрасная (Аф.104)
Начальная ситуация	Нарушение
Отлучка	Отправка
	Путешествие
Нарушение	Испытание
Отправка	Возвращение

Здесь мы в очередной раз наблюдаем, *как* из старой сказки складывается новая. При проецировании текста на другие строки мотифемной матрицы (**использование другой сказки в качестве шаблона и является таким проецированием**) производится одновременное преобразование мотивов при условии, что они топологически эквивалентны. Никаких вырезов и вставок! Диалог хама с безымянной девушкой топологически эквивалентен диалогу бабы-яги с Василисой Прекрасной. **К самому тексту сказочник не прикасается.**

²⁸ Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976, с.90.

²⁹ Там же, с.91.

Колобок (Аф.36)	[Василиса Прекрасная] См.294	Гуси-лебеди (Аф.113)
Старик со старухой. Старик просит старуху испечь колобок. Старуха набирает муки, печет колобок и кладет на окно постудить.	Нечаянная потеря огня матерью.	Родители, сестра и брат. Родители уходят на работу. Девочка оставляет братца без присмотра и его крадут гуси-лебеди.
Колобок скатывается с окна на лавку, с лавки на пол и т.д. Встречает зайца, который хочет его съесть, предлагает спеть, поет хвастливую песенку («У тебя, зайца, не хитро уйти!») и катится дальше. То же повторяется еще два раза, при встрече волка и медведя.	Девочка отправляется в путь. Встречает мужика на красном, белом и буром коне. «Хам съест тебя» – «Нет, не съест»	Девочка отправляется на поиски братца. Встречает печку, яблоню, молочную речку. Заносчиво отказывается принять пищу: ржаного пирожка, лесного яблока, киселика с молоком. Не получает ответа на вопрос, куда гуси полетели.
Наконец, колобок встречает лису, поет свою песенку. Лиса прикидывается, что не слышит, просит сесть ей на мордочку, затем на язык. Колобок (соглашается и) прыгает ей на язык.	Наконец, девочка приходит к дому хама и видит человечесьи руки, ноги и головы. Хам выпытывает, что она видела, и в иносказательной форме дает объясняет увиденному. Три мужика, руки, ноги, головы.	Наконец, встречает ежика, хочет его толкнуть, но боится наколоться. Нечаянно поступив правильно (вежливо), задает свой вопрос и получает ответ: «Вон туда-то!» Прибегает в избушку бабы-яги, подкрадывается, хватает братца и уносит.(спасает от того, чтобы быть съеденным)
Лиса съедает колобка.	Хам съедает девочку.	

Данное сравнение поучительно в том отношении, что показывает, как топология мотивов сочетается с их проективными свойствами. Топологически эквивалентные части текста (мотивы) спроецированы на разные отрезки мотивной линейки. Так, интересующие нас мотивы сказок «Колобок» (Аф.36) и «[Василиса Прекрасная]» (См.294) целиком спроецированы на пространство первой мотивемы: *отлучка, нарушение, отправка* (на тот свет).

Теперь, если перегруппировать мотивы сказки «Красная Шапочка» в соответствии со структурой *кумулятивной сказки*, восходящей своими историческими корнями к *цепному мифу*, внутренняя логика сказок про различные «Красные Шапочки» становится более ясной.

Сказки данного ряда возникли путем преобразования кумуляции в предварительный диалог между девочкой и волком, который постепенно ведет дело к тому, что девочка, придя в дом оказывается в его власти. В этом смысле, кажется особенно бросающимся в глаза сходство содержания диалога между девочкой и волком и диалога между колобком и лисой. Тем более, что «колобковая» сказка имеется в этнографических записях французских собирателей: «Le petit Chaperon Rouge (Version de la Haute-Bretagne)»:

Девочка по пути отказывается угостить собаку, лису и, наконец, встречает волка, который спрашивает ее, куда она идет, где живет бабушка, а затем (~~опередив девочку, съедает бабушку, занимает ее место в постели~~) заманивает девочку в постель и после диалога съедает³⁰.

³⁰ La petit Chaperon Rouge. Version de la Haute-Bretagne // Mélusine. Recueil de mythology, literature populaires, traditions & Usages publié par H. Gaidoz & E. Rolland, Tome III. Paris, 1886-1887, col. 397-398.

Ср.: Колобок отказывается угостить собой зайца, волка и медведя и, наконец, встречает лису, которая останавливает его и после диалога (мордочка, язык) съедает. Колобок садится на язык лисе, прикидывающейся старой и глухой, девочка ложится в постель к волку, прикидывающимся больной, немощной старушкой.

Предлагаемое сравнение поддается еще большему упрощению: *волк, девочка, домик и лиса, колобок, дорога*. Такое родство, не слишком отдаленное, со сказкой «Колобок» объясняет, почему сказка про Красную Шапочку с «печальным концом» – это веселая, озорная сказка и почему французы с улыбкой рассказывают ее детям. Видимо, эта сказка была столь популярной в народе, благодаря яркости головного убора героини, что сказки других типов, вроде сказки «Ивашко и ведьма», стали рассказываться по шаблону «Красной шапочки»³¹. В данной связи итоговой для нас служит следующая таблица. Сказка «Красная шапочка», все-таки, обладает свойством целостности, но именно как остаток какого-то древнего цепного мифа.

	Красная Шапочка (Перро)	Колобок (Аф. 36)	[Василиса Прекрасная] (См.294)
	Приготовление снеди для бабушки.	Выпекание колобка	Потеря огня
Отлучка	Девочка отправляется в путь. Девочка встречает волка. Волк подговаривает идти по длинной дороге, а сам идет к дому бабушки более короткой дорогой, является под видом внучки, съедает бабушку и ложится в постель.	Колобок отправляется в путь. Колобок встречает зайца, волка, медведя. «Я тебя съем» – «Не ешь меня». Каждый раз исполняет свою песенку.	Девочка отправляется в путь. Девочка встречает мужика на красном, белом и буром коне. «Хам съест тебя» – «Нет, не съест»
Нарушение	Девочка приходит в дом бабушки (грубый голос, смягченный голос). Она ложится в постель, и ее немало удивляет вид бабушки. Она спрашивает, почему у бабушки большие руки, ноги, уши, глаза, зубы. Волк съедает девочку.	Колобок встречает лису, которая не угрожает его съесть. Колобок исполняет свою песенку. Лиса уговаривает колобка («стара стала, плохо слышу») съесть сначала на мордочку, затем на язык. Лиса съедает колобка.	Девочка приходит к дому хама и видит чужие руки, ноги и головы. Хам выпытывает, что она видела дорогой, и дает объяснения. Хам съедает девочку.
Отправка	(В желудок волку)	(В желудок к лисе)	(В желудок к хаму)

Означает ли это, что мы, наконец, поняли, откуда пришла сказка «Красная Шапочка» («Девочка и волк») при условии, что протагонистом является именно девочка. Эта сказка не могла возникнуть непосредственно из цепного

³¹ В терминах общей теории систем, в силу закона единства в многообразии, т.е. изоморфизма бытовых ситуаций («проблем»), возникающих в рамках единой человеческой культуры, не только допустимо, но и весьма показательным сравнением с русскими сказками, как и с любым другим культурным кругом. – ЛБ.

мифа, поскольку в ней нет кумуляции, вроде: волк съедает одну жертву за другой, пока не встречает охотника, который оказывается достойным соперником («не тем парнем»). Она не могла возникнуть непосредственно и из первобытной сказки, поскольку в этом случае ее должна была съесть бабушка, вроде: родители уходят добывать пищу, оставив детей на попечение бабушки; бабушка съедает детей, ее преследуют и освобождают детей из ее чрева (ср. австралийскую сказку о старухе Мутьинге³²).

Вероятно, в данном случае мы имеем дело со скрещиванием двух типов сказок, кумулятивной и первобытной (неполной). Суть задачи состояла в том, чтобы сделать протагонистом не волка, а девочку. Например, в сказке «Волк и семеро козлят» развит мотив высвобождения проглоченных. А развит он за счет того, что в начальную ситуацию вводится коза, а не волк. Поэтому формально она становится протагонистом. В результате цепной миф превращается в неполную сказку, тем более что волк использует сказочный прием подвоха, приняв облик матери козлят (дилемма «толстый – тонкий голос»).

Следующий гипотетический этап – превращение в протагониста съедаемого персонажа. Для этого сказку «Волк и семеро козлят» необходимо рассказать по шаблону неполной сказки типа сказки о старухе Мутьинге, сохранив сюжетную линию первой. Только теперь не волк является в дом жертвы, а сама жертва в дом, ставший домом волка после съедения бабушки. Правда, в этом случае возникает своего рода Гордиев узел, который нельзя развязать, но можно разрубить, вернув в сказку охотника, чтобы он убил волка. Так сказка дорастает до полной, но, опять-таки, формально (согласно формальной логике сказки): в содержания охотник становится протагонистом.

По правилам классификации сказок по срединному элементу, «Красная Шапочка» братьев Гримм – это богатырская сказка. Именно поэтому она легла в основу английской баллады «Робин Гуд и Гай Гисборн», и русской сказки «Покатигорошек»³³.

Конечно, с точки зрения поэтики³⁴, все выглядит так, будто протагонистом является Красная Шапочка, которая при посредничестве охотника спасает бабушку. Большого при преобразованиях первобытных структур в волшебную сказку достичь не удастся, так как для окончательного преобразования пришлось бы поступиться сюжетной линией целиком, а вся повествовательная прелесть этой сказки в ней и заключается.

Как можно полагать, существует только два способа задания множества волшебных сказок в их классической форме: либо протагониста выгоняют из дома, либо не выпускают из дома. В основе все сюжетов полных волшебных

³² Белков П.Л. Этнос и мифология. СПб., 2009, с.222-223.

³³ См.: Робин Гуд и Красная шапочка. Мотивный анализ // *ethnomanuscripts.ru*. 05.03.2020.

³⁴ Как писал Пропп, под поэтикой следует понимать «совокупность приемов для выражения художественных целей и эмоционального и мыслительного мира, или короче – форма в связи с ее конкретным, фабульным и идейным содержанием» (Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976, с.36).

сказок лежит мотив препятствия женитьбе / замужеству. Использование этого мотива, который ветвится бесконечным образом, придает волшебным сказкам ту особую целостность (цель), которая делает их таковыми. Следовательно, для того, чтобы сказка «Красная Шапочка» стала волшебной по определению, волка необходимо превратить в настоящего *агониста*, препятствующего замужеству Красной Шапочки, а, в свою очередь, для этого ей надо найти жениха-*антагониста*.

Суммируя все сказанное ранее, можно сказать, сказка «Красная Шапочка» более точно определяется не тем, откуда она вышла, а тем, куда она не дошла.

По отношению к рассматриваемому ряду сказок особняком стоят обе редакции сказки братьев Grimm, которые обнаруживают структуру скорее первобытного эпоса, чем первобытной сказки (первый в отличие от второй не содержит в себе эмбрион третьей мотивемы; ко второй мотивеме непосредственно прилегает конечная ситуация, заменяющая собой этиологический мотив³⁵). Вторая редакция представлена слишком схематично, чтобы судить об этом абсолютно точно. Но первая, каноническая редакция имеет все признаки эпоса, поскольку в качестве протагониста выступает именно охотник. Количество текста, потраченное на Красную Шапочку, не имеет значения, с точки зрения структуры.

Таким образом, под грифом «Красная Шапочка», если ограничиться западноевропейскими материалами, существуют целых три *вида* фольклора, один из которых имеет структуру мифа, другой – первобытной сказки, третий – первобытного эпоса. Все они древнее волшебной сказки, но окончательное звучание (поэтику) они приобрели в эпоху господства волшебной сказки и под ее влиянием. Поэтому все они и попадают в *жанр* сказки³⁶.

В заключение сделаем еще несколько замечаний теоретического плана.

Прежде всего, наше хождение по сказочным сюжетам заставляет вспомнить опыт финской школы. Позволим себе привести достаточно пространную цитату из книги Проппа «Морфология сказки»:

Затронув вопрос о классификации сюжетов, мы не можем обойти молчанием указателя сказок Аарне¹. Аарне является одним из основателей т. н. финской школы. Работы этой школы представляют собой в настоящее время вершину сказочного изучения. Здесь не место дать надлежащую оценку этому направлению². Укажем лишь на то, что в научной литературе имеется довольно значительное количество статей и заметок о вариантах к отдельным сюжетам. Такие варианты иногда добываются из самых неожиданных источников. Постепенно их накапливается очень много, а систематической разработки нет. Сюда главным образом и направлено внимание нового направления. Представители этой школы добывают и сравнивают варианты отдельных

³⁵ Например, см.: Морфология богатырской сказки. I. Мотив, мотивема, ход // *ethnomanuscripts.ru*, с.5, рис.3. 29.11.2019.

³⁶ Разграничение понятий *вида* и *жанра* фольклора кажется полезным для его изучения. – ПБ.

сюжетов по их мировому распространению. Материал группируется гео-этнографически по известной, вперед выработанной системе, и затем делаются выводы об основном строении, распространении и происхождении сюжетов. Однако, и этот прием вызывает ряд возражений. Как мы увидим ниже, сюжеты (в особенности сюжеты волшебных сказок) состоят в теснейшем родстве между собой. Определить, где кончается один сюжет с его вариантами и где начинается другой, можно лишь после межсюжетного изучения сказок и точной фиксации принципа отбора сюжетов и вариантов. Между тем, этого нет. Перемещаемость элементов здесь также не принята во внимание. Работы этой школы исходят из неосознанной предпосылки, что каждый сюжет есть нечто органически-цельное, что он может быть выхвачен из ряда других сюжетов и изучаться самостоятельно³⁷.

Итак, для того, чтобы понять сказку как некоторую теорию (в значении «совокупность высказываний»), необходимо восстановить историю ее сложения. При этом изучение вопроса происхождения сказочных сюжетов подразумевает движение не по прямой, как считали представители финской школы, а движение кругами или петляние («вокруг да около»). Именно так *бродят* сказочники от сюжета к сюжету и именно поэтому не может существовать «бродячих сюжетов». Финская школа формировалась на основе представления о *нанизывании* сюжетов на нить подобно бисеру. на самом деле сюжеты *пронизывают* друг друга. Каждый сюжет – внутри другого *in spe*.

Из одной сказки можно проникнуть в любую другую. В некоторой бесконечно отдаленной точке все существующие сказки сходятся, по крайней мере, в пределах той или иной топологической сущности (сюжета или типа). Вычислить, из какой сказки рассказчик попал в сказку, исполняемую в данный момент (речь идет о «серийных» сказочниках), является сложной, но разрешимой задачей, поскольку, как уже отмечено, сказки расходятся кругами, образуя собой непрерывное пространство. Это, конечно, не значит, что этнография фольклора не является точной наукой (описательная наука есть противоречие в определении – «деревянное железо»). Сюжеты и мотивы не имеют числового выражения, но имеют мотивемное выражение. Следовательно, ***проблема измерения явлений фольклора может быть сведена к проблеме счета мотивем***. Тем более, что в нашу задачу входит не восстановление опорного текста в деталях (одинаковых сказок не бывает, как не бывает одинаковых отпечатков пальцев), а всего лишь сюжетной линии.

Здесь же следует сказать о критериях различения *становления* и *результата*, «шаблона» («примера») и «документа», т.е. новой сказки – с полями, заполненными в соответствии с правилами, заданными шаблоном, или таблицей мотивов, каждый из которых указывает на допустимый вид мотива при

³⁷ Действительно, кажется, что сказочник тем и занимается, что выделяет, вычленяет («выхватывает») сюжет из сюжетного континуума («контекста»). – ПБ.

сложении этой сказки. Понятие шаблона позволяет также более точно провести различие между сказкой и вариантом. Варианты сказки – это конкретные сказки, рассказываемые без применения нового, «чужого» для нее шаблона.

Однако, как показывает опыт разысканий в области исторической морфологии сказки «Красная шапочка», использование одного шаблона – простейший случай. Обычно одновременно используются несколько шаблонов. Шаблоны подобно прозрачным картинкам накладываются (держатся) поверх исполняемой сказки, но «промакиваются», соприкасаются с ее поверхностью лишь отдельные мотивы шаблонов. Так работает *принцип пронизанности* мотивов и сюжетов. В этом отношении в качестве шаблона могут (разумеется, на взаимообразной основе) использоваться современные конкретные сказки и обряды.

2 мая 2020 г.